

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.38.90.006

«Новые протесты» в России: проблемы теории и практики

Макаренко Кирилл Михайлович

Старший преподаватель,
Волгоградский государственный университет,
400062, Российская Федерация, Волгоград, просп. Университетский, 100;
e-mail: Makarenko_km@volsu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31676.

Аннотация

В статье представлена авторская интерпретация феномена «новых протестов» в России, актуальность которой обусловлена наличием дифференциации между классическими протестными практиками, а также современными проявлениями, требующими адекватных ответов, решений и моделей объяснения. Методологической основой исследования выступают основополагающие принципы теории мобилизации Ч. Тилли. «Новые протесты» интегрируют в своей основе три условия: происхождение после определенного исторического события, имеющего делигитимирующий для власти характер; активное использование новых средств коммуникации в качестве организационной основы протеста; выдвигаемый характер новых проблем пост-материального толка. Анализ частных случаев протестных практик в России 2018-2020 годов привел к формированию целого ряда значимых выводов: «новые протесты» имеют, как правило, неполитическую основу, однако, в следствие наличия кризиса легитимности претерпевают политизацию. «Новые протесты» развиваются стихийно и динамично, при этом институциональная основа протеста формируется не в период организации и мобилизации коллективных действий, а по ходу протестной активности. Новые организационные и коммуникативные практики организации протестной деятельности влияют на гибкость и адаптационный потенциал протеста. Развитие протеста характеризуется в численном плане моделью «затухающей синусоиды», а в темпоральном плане – вялотекущим и растянутым во времени периодом «затухания».

«Новые протесты» представляются в качестве значимого феномена как в исследовательском, так и в практическом плане, что связано с необходимостью осознания нового объекта исследования и формирования адекватных ответов на коммуникативных запрос граждан в изменяемых условиях.

Для цитирования в научных исследованиях

Макаренко К.М. «Новые протесты» в России: проблемы теории и практики // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 5А. С. 48-55. DOI: 10.34670/AR.2020.38.90.006

Ключевые слова

«Новые протесты», политическая мобилизация, протестная динамика, основания протеста, протестная активность, политический процесс.

Введение

Проблема операционализации дефиниции «новые протесты» формируется исходя из множественности факторов. Если по поводу «протестов», прежде всего, в политическом смысле, сложились определенные исследователями конвенциональные подходы к определению, где протест воспринимается как активное или пассивное проявление недовольства сложившейся в обществе политической системы и/или ее отдельных элементов (институтов, практик, традиций), то концепт «новых протестов» требует обстоятельного изучения.

Методологической основой исследования выступают основополагающие принципы теории мобилизации Ч. Тилли, изложенные в работе «От мобилизации к революции» [Тилли, 2019, 19-20]. Предложенный Ч. Тилли подход позволяет представить протест как акт «соревновательной политики» между различными субъектами, борющимися за власть и доступ к ресурсам. Особенность подхода теории мобилизации в акцентировании внимания на институциональных, структурных причинах и факторах коллективных действий.

Так, используя аналитический аппарат теории мобилизации и собственные выводы автора, предлагается три подхода (основания) для определения «новизны» протестов:

- 1) «Новые протесты» через приму современности, т.е. все протесты, совершаемые после определенного исторического события, могут считаться «новыми»;
- 2) «Новые протесты» через призму использования современных коммуникационных инструментов и современных технологий протеста (отсутствие единого центра принятия решений, роевые тактики, одиночные пикеты, «цепи солидарности» и т.д.);
- 3) «Новые протесты» через призму возникновения новых общественных проблем и запросов.

**Обоснование критериев выделения
«нового протеста»**

Каждый из представленных подходов может быть использован в качестве основы для проведения теоретического или эмпирического исследования. Если задаться целью сформировать репрезентативную выборку «новых протестов» в современной России, то исследователю необходимо разработать целый ряд индикаторов определения указанной выше «новизны» протестов.

Так, с авторской точки зрения, относительно первого основания «новыми протестами» являются те, которые свершались после «пенсионной реформы». Связано это с масштабными социальными изменениями, которые стали следствием принятия данного решения, прежде всего, с окончанием действия «крымского консенсуса», падением одобрения деятельности Президента РФ В.В. Путина, доминирующего политического субъекта.

Обращаясь к данным исследования Левада-центр «Одобрение деятельности Владимира Путина», можно заметить, что падение уровня доверия Президенту приходится на весну-лето 2018 года, то есть на период обсуждения и принятия решения об увеличении пенсионного

возраста [Одобрение... www]. Также, ориентируясь на данные исследований положения дел в стране, проведенных Левада-центром, можно констатировать, что резкий рост потенциала протеста с экономическими требованиями (с 17% 03.2018 до 41% 07.2018), а также потенциала протеста с политическими требованиями (от 12% 03.2020 до 34 07.2020) связан именно с пенсионной реформой [Положение дел... www]. Данные цифры оценки потенциала протеста самые крупные, начиная с 1999 г.

Индикатором «новых протестов» по второму основанию будут выступать используемые в ходе политической мобилизации коммуникационные технологии: социальные сети, массовые/таргетированные интернет-рассылки и т.д. Практики подобных мобилизаций широко представлены в работе Г. Рейнольда «Умные толпы» [Рейнгольд, 2006]. Одним из значимых индикаторов будет выступать самоорганизация протестующих, т.е. отсутствие единого организационного, мобилизационного центра.

В основе индикативных показателей третьего основания лежат принципиально новые вопросы и требования, ранее широко не представленные в российской публичной протестной практике. Примером подобному могут являться митинги в поддержку бывшего губернатора Хабаровского края Фургала, экологические протесты, студенческие выступления.

Связующим определением для «новых протестов» служит разработанное в отечественных и зарубежных исследованиях понятие «новых социальных движений», которое, в отличие от «старых» направлено на обретение пост-материальных ценностей [Яницкий, 2012, www]. То есть, в качестве новых будут восприниматься те протесты, цель которых связана с реализацией прав и свобод человека в нематериальной плоскости.

Таким образом, систематизируя сформированные выше критерии, мы приходим к выводу, что «новые протесты» — это практики выражения недовольства политической системой или ее отдельными элементами, совершаемые в новых условиях (как правило, после значимого кризиса легитимности) с использованием современных технологий коммуникации, и преследующие своей целью обретение пост-материальных ценностей.

Обоснование методики и хода исследования

Следующей задачей исследователя является формирование совокупности примеров (кейсов), анализ которых позволит выделить дополнительные характеристики «новых протестов», выражающиеся в динамике, массовости, характере и «репертуаре» коллективных действий.

Для формирования более репрезентативной выборки прибегнем к классификации оснований протеста Т. Ланкиной и А. Возной. Так, согласно авторам, протесты делятся на политические, экономические, социальные, гражданские (правовые, экологические, культурные) [Lankina, Voznaia, 2015]. В связи с этим, в данной статье автор осуществит попытку формирования динамических характеристик развития протестной активности на основе частных случаев протестных акций. В качестве кейсов были выбраны наиболее медийные протесты в России июня 2018 – августа 2020 гг. в каждой из категорий протестов, предложенных выше.

Таким образом, список кейсов выглядит следующим образом:

1. Экологические протесты в Шиесе;
2. Политические протесты в Хабаровске;

3. Гражданские (правовые) протесты в Москве по делу Голунова;
4. Экономические/социальные протесты против повышения пенсионного возраста;
5. Экологические протесты в Волоколамске;
6. Гражданские (правовые) протесты в Ингушетии;
7. Политические/Гражданские (правовые) протестные акции в Москве (выборы в Мосгордуму);
8. Гражданские (правовые)/Социальные протесты во Владикавказе (против режима самоизоляции)
9. Гражданские (культурные) протесты в Екатеринбурге (против передачи площади парка под строительство храма).

Некоторыми исследователями осуществлялись попытки определения трендов, форм, видов и механизмов протестной активности на конкретном эмпирическом материале. Так, выводы Д.Д. Челпановой, базирующиеся на протестных акциях Юга России в 2015 г., можно представить следующим образом [Челпанова, 2016, 38-41]:

1. Характер протестной активности по мере убывания: социально-экономический, политических, экологический;
2. Доминирующая тематика протеста связана с проблемой низкого уровня доходов населения;
3. Основными формами выражения недовольства стали забастовки, митинги, пикеты, шествия, собрания и т.д.;
4. Политические манифестации, прежде всего, затрагивали проблемы защиты политических заключенных, свободы собраний. Протестные требования были сконцентрированы на отставке Правительства РФ.

Исследователи С.Н. Шкель и М.Р. Сабитов на основе выборочной совокупности протестных акций 2005-2011 гг. сделали ряд значимых выводов о характере массового политического протеста в России [Шкель, Сабитова, 2012, 1673]:

1. Конкретно проблемный характер протестных акций и относительная легкость политизации проблемы, что связывалось с неэффективностью государственных институтов;
2. Локальный, изолированный характер протестных акций;
3. Расширение социальной базы протеста;
4. Увеличение протестной динамики при росте экономического благополучия (разрыв связки бедности и уровня протестности).

В докладе агентства политических и экономических коммуникаций «Неполитический протест в регионах: структура, динамика и возможности политизации» приводятся характеристики регионального протеста до и после пенсионной реформы, которая является точкой бифуркации практик активности в публичном пространстве современной России. Так, в качестве основных характеристик регионального протеста (до пенсионной реформы) выделяются: ситуативность, территориальная локализованность, запрос на прямую коммуникацию с властью [Салаватова, 2019, www].

Согласно докладам Центра социально-трудовых прав, который специализируется на мониторинге протестной активности россиян, акцент протестной активности 2018-2019 гг. смещается от политических первопричин протестных выступлений к социальным.

Анализ современных протестных практик в РФ приводит исследователей к необходимости анализа феномена «политизации». В условиях наличия неполитической первопричины протеста именно политизация не позволяет протесту «затухнуть». Политизация является значимым

фактором мобилизации ресурсного потенциала протеста. Л.Е. Филиппова определяет политизацию как «процесс приобретения теми или иными субъектами, явлениями и процессами политических качеств» [Филиппова, 2018, 98].

Исследователями С.Д. Гавриловым и К.М. Макаренко на основе практик массовой протестной мобилизации в Волгоградской области 2014-2020 гг. были сделаны выводы: 1) о перекрестном характере протестной проблематики (использование как частно региональной, так и общефедеральной протестной повестки в процессе мобилизации); 2) протестная активность определялась вопросами социально-экономического, политического и экологического основания; 3) стихийный характер политической мобилизации, отсутствие поддержки институциональных структур в организации коллективных действий [Гаврилов, Макаренко, 2020, 200].

Обладают ли «новые протесты» определенной спецификой, отличающей их от предыдущих проявлений протестной активности в России, или они являются логичным, структурным продолжением развития публичной политики в РФ и не представляются уникальным объектом исследования? Являются ли «новые протесты» самостоятельным объектом исследования, или же они включены в общую генерализированную выборку из протестов?

Анализ частных случаев (case-study) «новых протестов» позволил сделать следующие заключения:

- 1) Первопричиной протеста является конкретная проблема, как правило, неполитического характера (изначально политической является лишь серия протестных акций в г. Хабаровске);
- 2) Мобилизация осуществляется стихийно;
- 3) Институциональные структуры не формируют протест, а появляются в результате увеличения масштабов протестных акций для осуществления координации последующих коллективных действий. Примером подобной практики является появление таких инициативных групп как «Чистая Урдома», «Поморье не помойка» и т.д. Однако, данная тенденция не распространяется на акции, имеющие изначально политический характер;
- 4) Динамика численности участвующих в коллективных действиях представляет собой «затухающую синусоиду»: быстрый рост численности протестующих – пик численности протеста – постепенное уменьшение числа активных участников при увеличении числа сочувствующих;
- 5) Основной формой проявления протестной активности являются массовые митинги, шествия;
- 6) Применение инструментов насилия со стороны власти приводит к увеличению числа сочувствующих и изменению форм проявления протестной активности (подписание петиций, одиночные протесты, активность в социальных сетях и форумах);
- 7) Протесты становятся все более растянутыми во времени.

Относительно последнего пункта хотелось бы внести некоторые дополнения. Так как протестные действия являются, с точки зрения Ч. Тилли, проявлением «соревновательной политики», стороны конфликта прибегают к различным инструментам уменьшения власти соперника. Задача координаторов протеста состоит в увеличении массовости коллективных действий и возобновлении протестной активности во времени, главное – не дать протесту «затухнуть». В связи с этим проблемы политизируются, в дискурс включаются смежные темы. Власть, в свою очередь, имеет достаточно ограниченный репертуар действий: принятие, отторжение, попустительство. Безусловно, имеет место применение всех этих действий в их

разнообразии, однако, попустительство – отсутствие видимых реакций на протест является наиболее выгодным, так как позволяет протесту «выдохнуться» и деинституционализироваться. Таким образом, структурно протест с обеих сторон конфликта растягивается во времени, что приводит к его «рутинизации». Рутинизация приводит к уменьшению потенциала коллективных действий и оттоку бунтующих «по случаю».

Выводы

«Новые протесты» в России проявляются в период кризиса легитимности, после принятия «пенсионной реформы» 2018 года, и обладают некоторыми специфическими характеристиками. Так, «новые протесты» имеют, как правило, неполитическую основу, однако, в следствие наличия кризиса легитимности претерпевают политизацию. Данные протесты стихийные и динамично развиваемые практики, институциональная основа которых формируется не в период организации и мобилизации коллективных действий, а по ходу протестной активности. Отсутствие единого центра принятия решений делает протест более гибким, что позволяет менять тактику и формы протестной деятельности в ответ на использование репрессивных инструментов провластной стороной. Развитие протеста характеризуется в численном плане моделью «затухающей синусоиды», а в темпоральном плане – вялотекущим и растянутым во времени периодом «затухания».

«Новые протесты» представляются в качестве значимого феномена как в исследовательском, так и в практическом плане, что связано с необходимостью осознания нового объекта исследования и формирования адекватных ответов на коммуникативных запрос граждан в изменяемых условиях.

Библиография

1. Гаврилов С. Д., Макаренко К. М. Характер протестной политической мобилизации в региональном публичном пространстве Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2020. – Т. 25, № 3. – С. 192–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>
2. Одобрения деятельности Владимира Путина. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/>
3. Положение дел в стране. Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>
4. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Говард Рейнгольд. — Пер. с англ. А. Гарькавого. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 416 с.
5. Салаватова А. Неполитический протест в регионах: структура, динамика и возможности политизации. Агентство политических и экономических коммуникаций. 29.10.2019. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673
6. Тилли Ч. От мобилизации к революции [Текст] / пер. с англ. Д. Карасева; под науч. ред. С. Моисеева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. – 432 с. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>.
7. Филиппова Л.Е. "Политизация" vs "деполитизация": поиск альтернативных стратегических проектов и возможности структурирования политического поля // Политическая наука, 2018. №2. С. 95-115.
8. Челпанова Д.Д. Актуальные тенденции протестной активности населения на Юге России: виды, формы, состав // Региональная экономика. Юг России. 2016. №3 (13). С. – 34-43.
9. Шкель С.Н., Сабитов М.Р. Массовый политический протест в современной России: динамика и специфика развития // Право и политика. 2012. №10 (154). С. – 1669-1675.
10. Яницкий О.Н. Элементы теории социальных движений [Электронный ресурс] // Официальный сайт ИС РАН. - 2012. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429>
11. Lankina T., Voznaya A. New Data on Protest Trends in Russia's Regions // Europe-Asia Studies, 2015. Vol. 67. № 2. P. 327-342.

"New protests" in Russia: problems of theory and practice

Kirill M. Makarenko

Senior Lecturer,
Volgograd State University,
400062, 100, Universitetskiy ave., Volgograd, Russian Federation;
e-mail: Makarenko_km@volsu.ru

Abstract

The article presents the author's interpretation of the phenomenon of "new protests" in Russia, the relevance of which is due to the presence of differentiation between classical protest practices, as well as modern manifestations that require adequate answers, solutions and models of explanation. The methodological basis of the study is the fundamental principles of the theory of mobilization. Tilly. "New protests" integrate three conditions at their core: the origin after a certain historical event, which has a delegitimizing character for the authorities; active use of new means of communication as an organizational basis for protest; the proposed nature of new post-material problems. The analysis of particular cases of protest practices in Russia in 2018-2020 led to the formation of a number of significant conclusions: "new protests" have, as a rule, a non-political basis, however, as a result of the crisis of legitimacy, they undergo politicization. "New protests" develop spontaneously and dynamically, while the institutional basis of protest is formed not during the organization and mobilization of collective actions, but in the course of protest activity. New organizational and communicative practices of organizing protest activities affect the flexibility and adaptive potential of protest. The development of protest is characterized numerically by the "damped sinusoid" model, and temporally by a sluggish and time-stretched "damping" period.

"New protests" are presented as a significant phenomenon both in research and in practice, which is associated with the need to understand the new object of research and form adequate responses to the communicative request of citizens in changing conditions.

For citation

Makarenko K.M. (2020) «Novye protesty» v Rossii: problemy teorii i praktiki ["New protests" in Russia: problems of theory and practice]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (5A), pp. 48-55. DOI: 10.34670/AR.2020.38.90.006

Keywords

"New protests", political mobilization, protest dynamics, grounds of protest, protest activity, political process.

References

1. Gavrilov S. D., Makarenko K. M. (2020) Kharakter protestnoy politicheskoy mobilizatsii v regional'nom publichnom prostranstve Volgogradskoy oblasti [CHARACTER OF PROTEST POLITICAL MOBILIZATION IN THE REGIONAL PUBLIC SPACE OF VOLGOGRAD REGION]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedeniye. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. Vol. 25, no. 3. – pp. 192–203. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.17>.

2. Odobreniya deyatel'nosti Vladimira Putina [Approval of the activities of Vladimir Putin]. Levada-tsentr [Levada Center]. Available at: <https://www.levada.ru/indikatory/odobrenie-organov-vlasti/> (accessed 12 September 2020).
3. Polozheniye del v strane [State of affairs in the country]. Levada-tsentr [Levada Center]. Available at: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/> (accessed 12 September 2020).
4. Rheingold H. (2006) Umnaya tolpa: novaya sotsial'naya revolyutsiya [Smart crowd: a new social revolution] // Howard Rheingold. - Per. from English. A. Garkavy. In: M.: FAIR-PRESS [M.: FAIR-PRESS]. 416 p.
5. Salavatova A. (2019) Nepoliticheskiy protest v regionakh: struktura, dinamika i vozmozhnosti politizatsii [Non-political protest in the regions: structure, dynamics and opportunities for politicization]. Agentstvo politicheskikh i ekonomicheskikh kommunikatsiy [Agency for Political and Economic Communications]. Available at: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=91&ELEMENT_ID=5673 (accessed 14 September 2020).
6. Tilly Ch. (2019) Ot mobilizatsii k revolyutsii [From Mobilization to Revolution]. Moscow, Izdatelskiy dom Vyshey shkoly ekonomiki, 432 p. DOI: <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-1527-3>.
7. Filippova L.Ye. (2018) "Politizatsiya" vs "depolitizatsiya": poisk al'ternativnykh strategicheskikh proyektov i vozmozhnosti strukturirovaniya politicheskogo polya ["Politicization" vs "depoliticization": the search for alternative strategic projects and the possibility of structuring the political field]. In: Politicheskaya nauka [Political Science]. no. 2. pp. 95-115.
8. Chelpanova D.D. (2016) Aktual'nyye tendentsii protestnoy aktivnosti naseleniya na Yuge Rossii: vidy, formy, sostav [Actual tendencies of protest activity of the population in the South of Russia: types, forms, composition]. Regional'naya ekonomika. Yug Rossii [Regional economy. South of Russia]. no. 3 (13). P. 34-43.
9. Shkel' S.N., Sabitov M.R. (2012) Massovy politicheskiy protest v sovremennoy Rossii: dinamika i spetsifika razvitiya [Mass political protest in modern Russia: dynamics and specificity of development]. In: Pravo i politika [Law and Politics]. no. 10 (154). P. 1669-1675.
10. Yanitskiy O.N. Elementy teorii sotsial'nykh dvizheniy [Elements of the theory of social movements]. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=2429> (accessed 14 September 2020).
11. Lankina T., Voznaya A. (2015) New Data on Protest Trends in Russia's Regions. In: Europe-Asia Studies. Vol. 67. no. 2. P. 327-342.